

DOI: 10.31696/S086919080031062-5

ДОСТИЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1911 гг. В ИРАНЕ В СПЕКТРЕ ИДЕИ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ЖЕНСКОГО РАВНОПРАВИЯ

© 2024

С.А. ТАРАСОВА ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-6601-5000; svetlana.sepideh@gmail.com

Резюме: Статья посвящена анализу достижений Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране в плане реализации феминистской идеи об установлении женского равенства. Принимая во внимание тот факт, что в начале XX в. женщины в Иране были полностью лишены политических прав, а также имели существенные ограничения в социальной сфере, анализ повышения степени их сопричастности к социально-политическим процессам внутри страны и конкретных результатов и достижений представляется весьма актуальным. Особый акцент в статье делается на участии женщин в Конституционной революции, создании женских общественных организаций и активизации женской журналистики. Отмечаются как мирные акции, будь то демонстрации и поддержка демонстрантов, личные и письменные обращения к монарху, парламенту и иностранным дипломатам, так и военное участие в защите оплотов конституционалистов и их походе на Тегеран для победы над шахской деспотией. Рассматривается деятельность пяти наиболее крупных женских организаций в Иране, а также программа по улучшению положения женщин недавно образованной коммунистической партии Ирана. Автор также приводит сведения о шести самых известных женских журналах того времени, которые, несомненно, внесли существенный вклад в повышение гражданской сознательности и политических амбиций иранок начала XX в. В плане развития женского образования на фоне фактических сведений о работе почти десятка школ для девочек и одном педагогическом училище приводятся статистические данные о женском образовании и уровне грамотности среди женщин. В статье делается вывод о том, что, несмотря на провал попыток иранских женщин в ходе Конституционной революции 1905–1911 гг. юридически расширить свои права, их политическое участие увеличилось беспрецедентно, а основные достижения конституционалистов можно отнести к появлению возможностей получать женщинами светское образование, расширять политический кругозор и продолжать борьбу за правовое равенство.

Ключевые слова: Иран, Конституционная революция, феминизм, права женщин, женские организации, женская журналистика, женское образование

Для цитирования: Тарасова С.А. Достижения Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране в спектре идеи об установлении женского равноправия. *Восток (Oriens)*. 2024. № 5. С. 177–188. DOI: 10.31696/S086919080031062-5

ACHIEVEMENTS OF THE 1905–1911 CONSTITUTIONAL REVOLUTION
IN IRAN IN THE SHIFT TOWARDS WOMEN'S EQUALITY

© 2024

Svetlana A. TARASOVA ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0000-6601-5000; svetlana.sepideh@gmail.com

Abstract: *The article is devoted to the achievements of the 1905–1911 Constitutional Revolution in Iran in terms of realization of the feminist idea on women's rights and equality. In the early 20th century, women in Iran were deprived of political rights and were restricted in the social sphere, so the analysis of their complicity with social and political processes seems to be quite timely. The women's participation in the revolution included some non-violent actions such as demonstrations, appeals to the monarch and parliament, as well as military participation for victory over the shah's despotism. The article sheds light on the most significant female organizations in Iran and the Communist Party of Iran's program concerning the improvement of women's status. Besides, the author provides information about the most popular female magazines of these days which have certainly contributed to the growth of the Iranian women's civil consciousness in the early 1900s. As far as the growth of female education is concerned, by presenting some factual information about activity of several schools for girls and one teacher training college, statistic data regarding female education is shown. The author concludes that in spite of the fact that the Constitutional revolution formally had not granted any rights to the Iranian women, the activization of their political participation increased unprecedentedly and the constitutionalists' achievements could be appreciated as empowerment to receive secular education, expand political consciousness and continue the struggle for equal rights.*

Keywords: Iran, Constitutional Revolution, feminism, women's rights, female organizations, female journalism, female education

For citation: Tarasova S.A. Achievements of the 1905–1911 Constitutional Revolution in Iran in the Shift towards Women's Equality. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 5. Pp. 177–188. DOI: 10.31696/S086919080031062-5

К началу XX в. положение женщин в Иране соответствовало не только существовавшему тогда традициям патриархального устройства обществ во всем мире, но и было обусловлено религиозными и национальными ограничениями. Легализованная религией и законами полигамия, ограничения в быту, в семейном праве и образовании создавали массу препятствий на пути формирования женской индивидуальности, которая, впрочем, мало была востребована в иранском обществе того периода, если учитывать, что главная функция женщин сводилась к деторождению и семейным заботам. Тем не менее волны промышленной революции, просвещение, модернизация, революционные и демократические практики на рубеже XIX – XX вв. заставляли иранских женщин активнее включаться в социальные, экономические и политические процессы, которые запустила собой Конституционная революция 1905–1911 гг.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН

Революционеры, готовые бросить вызов вековым традициям, нуждались в поддержке любых слоев населения, поэтому они обращались за поддержкой к женщинам, отстаивая соблюдение их прав наравне с мужчинами. С первых дней Конституционной революции женщины приняли в ней самое активное участие. Уже на второй день после публичного наказания тегеранских купцов за отказ снижать цену на сахар, то есть 14 декабря 1905 г., когда засевших в первый бест¹ в мечети Шах-Абдоль-Азим демонстрантов окружили правительственные войска, женщины с крыш забросали их камнями. 10 января 1906 г. женщины на улице преградили кортеж шаха и под угрозой устранения его от власти потребовали немедленно выполнить требования засевших в бест конституционалистов и отпустить арестованных парламентаров, направленных ранее на переговоры к премьер-министру [Zulfaqari, 2019, p. 42]. Без преувеличения историческую роль сыграла некая Джахангир, выполнявшая функции парламентарки к шаху от Революционного комитета Тегерана. Прорвав на улице кольцо телохранителей Мозафереддин-шаха, она передала ему послание с угрозой его убийства за отказ учредить в стране парламент. После этих и других не менее активных демаршей уже в январе 1906 г. Мозафереддин-шах подписал указ о создании прообраза парламента *эдалатханэ* («дома справедливости»), однако отсутствие практических действий для учреждения парламента вновь активизировало волну женского недовольства. В ходе начавшихся репрессий 11 мая 1906 г. группа женщин совершила налет на казарму, где содержался под арестом один из религиозных лидеров конституционалистов Мохаммад Ваэз, и успешно отбила его у вооруженных казаков. После этого инцидента премьер-министр Эйн од-Доуле распорядился запретить жительницам столицы выходить из своих домов [Hejazi, 2009, p. 322]. Однако столь строгие меры еще больше разжигали возмущение решительно настроенных женщин, поэтому уже в июне – июле 1906 г., пока конституционалисты организовали второй бест в Шах-Абдоль-Азуме, мужественные иранки, облачившись в саваны в знак готовности к самопожертвованию и распевая траурные песни, организовывали шествие по тегеранскому базару с призывом остановить торговлю [Hejazi, 2009, p. 323]. Непрекращающиеся нападения на конституционалистов со стороны преданных шаху казаков вынудили революционеров в июле – августе 1906 г. инициировать бест уже в Куме в 150 км от иранской столицы. Тогда революционерки выполняли вспомогательные функции по поставкам демонстрантам продовольствия и оружия, а также помогали поддерживать их связь с внешним миром [Seraj, 2013, p. 60]. Настойчивость и упорство, проявленные в том числе и женской частью иранского общества, вынудили Мозафереддин-шаха 5 августа 1906 г. подписать указ о введении конституционного строя и учреждении парламента.

Тем не менее сами конституционалисты довольно скоро погасили столь пламенный революционный пыл своих соотечественниц. Так, в Положении о выборах в меджлис I созыва от 8 сентября 1906 г. и более позднем Положении о двухстепенных выборах от 1 июля 1909 г. было прописано, что женщины лишены активного и пассивного избирательного права [Новая история Ирана, 1988, с. 163]. Общее мнение большинства конституционалистов в парламенте выразил один из революционных деятелей аятолла Мохаммад Табатабаи в газете «Меджлис» от 30 декабря 1906 г.: «в специфических мужских вопросах, в том числе тех, которые касаются политики, на данный момент вмешательство женщин не требуется» [Afari, 1992, p. 14].

¹ Бест – мирная сидячая забастовка, заключающаяся в прекращении профессиональной деятельности и размещении в святых местах (как правило, в мечетях) или на территории дипломатических миссий с их разрешения.

Активную деятельность иранок стимулировали и сообщения о горькой судьбе некоторых их соотечественниц. С начала своей работы 7 октября 1906 г. первый в истории страны парламент воспринимался населением скорее как судебный, а не законодательный орган, и поэтому получал множество жалоб поданных из Ирана и сопредельных стран. Самые вопиющие случаи жестокого обращения с женщинами касались работорговли и использования женщин в качестве живого товара. В феврале 1907 г. меджлис получил телеграмму от иранского землячества в Ашхабаде о том, что на невольничьих рынках иранских девочек из города Кучана иранской провинции Хорасан продают наравне со скотом. Ответ депутатов последовал только через три месяца. В нем содержался призыв ко всем иранцам сообщать об обнаружении женщин и девочек, проданных туркменам в Хорасане, чтобы власти смогли осуществить возврат этих людей на родину [Mirzai, 2017, p. 174].

Поскольку Основной закон от 30 декабря 1906 г., по сути, лишь регламентировал работу новых государственных органов и никак не гарантировал права и свободы граждан, с весны 1907 г. женщины активно подключились к кампании по реализации Дополнения к Основному закону. 25 мая у здания парламента в столице собрались 500 женщин, требовавших покончить с тиранией и ввести конституцию [Hejazi, 2009, p. 324]. Иронично, что через несколько дней меджлис утвердил Закон о провинциальных и областных энджуманах (органах местного самоуправления), по статье 7 которого женщины не получили права избирать и быть избранными в них, равно как уголовники, морально разложившиеся люди, банкроты и несовершеннолетние [*Новая история Ирана*, 1988, с. 188].

Хотя женщины и не получили права голоса, это не помешало части иранок с оружием в руках защищать свое достоинство, а по ходу и отстаивать столь важное завоевание революции, как парламент, чему способствовал боевой опыт их мужского окружения и наличие оружия. Не стоит списывать со счетов и вполне объяснимое стремление иранок обеспечить безопасность своих близких и самих себя, ведь за неповиновение своих мужчин приходилось расплачиваться женщинам. В качестве иллюстрации столь драматических событий приведем пример подавления одного из восстаний, описанного в рапорте начальника Асхабадского уезда начальнику Закаспийской области от 30 января 1909 г., в котором описывается один из очагов мятежа против местного правителя: «...город Ньюхандан войсками хана разграблен и сожжен, ...женщины обесчещены, и слух, что войска двигаются... для наказания, произвел панику среди пограничных с ним селений» [*Новая история Ирана*, 1988, с. 181–182].

Огромный опыт военно-политической борьбы иранские азербайджанки, гилянки и курдки получили благодаря активному участию в Тебризском восстании под руководством Саттар-хана в 1908–1909 гг., когда их участие сводилось не только к тыловой работе. Многие женщины жертвовали своим имуществом, оказывали бойцам медицинскую помощь, обеспечивали питанием и снарядами или принимали непосредственное участие в сражениях, в том числе и в мужской одежде. По сообщению газеты «Халь-аль-Матин», в результате одного из боестолкновений с шахскими войсками погибло 20 революционерок, переодетых в мужскую одежду, а всего на стороне Саттар-хана воевали по меньшей мере 60 моджахедок.

Особенно стоит отметить роль бахтиярских женщин, которые в 1909 г. участвовали в объединенном походе на Тегеран, чтобы отстоять Конституцию и положить конец «малой деспотии» Мохаммад-Али-шаха. Участница тех событий Марьям Бахтияри, сестра бахтиярского предводителя Али-Кули-хана, не только занималась боевым оснащением войск, но и участвовала в бою, оборудовала боевую точку на крыше одного из домов на площади Бахарестан у здания парламента [Musai, Kamali, 2018, p. 95].

Победивший парламент превратился в площадку для дальнейших дискуссий о расширении женских прав. Начало наиболее острой из них было положено 3 августа 1911 г.,

когда во время обсуждения законопроекта о следующих выборах речь зашла о запрете участвовать в них женщинах. Тогда депутат от Хамадана Мохаммад-Таги Вакиль-ор-Роая заявлял с трибуны, что так как женщины имеют «душу и права», они должны иметь и право голоса. Постановка вопроса и его дискуссия вызвали такую оторопь и конфуз у большинства депутатов, что данное предложение даже не стали включать в протокол, а сообщение о нем стало известно только благодаря корреспонденту газеты «Таймс» [Seraj, 2013, p. 69]. Победу консервативного большинства озвучил тогда депутат шейх Асадолла Мамгани: «Причина отсутствия у женщин [избирательных прав] кроется в том, что Господь не дал им необходимых навыков для участия в политических делах и выборах депутатов. Женщины – слабый пол и лишены способности выносить суждения как мужчины» [Afari, 1992, p. 26].

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Отказ депутатов допускать женщин к решению ключевых политических вопросов уже не мог остановить волну женского политического активизма. В январе 1907 г. в Тегеране было сформировано одно из первых женских объединений, которое приняло резолюцию «Об отмене большого приданого и праве женщин на образование». В том же году возникло «Энджумен-е азади-йе занан» («Общество свободы женщин») при участии нескольких американских миссионеров, а также двух дочерей Насреддин-шаха: Эфтехар-ос-Салтане и Тадж-ос-Салтане. Для большей безопасности на заседаниях общества участницы обсуждали социально-политическую повестку при участии своих родственников мужского пола. Заседания проходили в одном из садов в предместьях Тегерана, однако вскоре их пришлось прекратить из-за угроз нападения реакционеров. Другая организация под названием «Эттехадие-йе гейби-йе несван» («Тайный союз женщин») через публикации в газетах критиковала работу первого парламента и, в частности, добивалась выплат пособий по бедности. «Энджумен-е несван» («Общество женщин») существовало в период работы I и II меджлисов и отстаивала легализацию женских энджуменов. В 1910 г. в столице открылось «Энджумен-е мохаддарат-е ватан» («Общество женщин родины»), членами которого стали 60 женщин. Общество сосредоточилось на открытии приютов, больниц, школ для девочек и женских курсов обучения грамоте, а также организации бойкота русских товаров. Похожие женские организации также создавались в других городах страны – Исфахане, Тебризе, Казвине.

Некоторые открытые обращения женских организаций носили откровенно провокационный характер, но в то же время могли использоваться как триггер для активизации законотворческой деятельности депутатов. В качестве наиболее яркого примера таких обращений приведем открытое письмо I парламенту от организации «Эттехадие-йе гейби-йе несван» в газете «Неда-йе ватан» («Голос родины») от 3 октября 1907 г.: «Уважаемые господа, вы не пожелали за этот срок принять ни одного сколько-нибудь значимого закона... Становится понятным, что наши депутаты создали парламент для собственного развлечения. Парламент существует для законотворчества, так где же ваши законы? ...Если уважаемые депутаты смогут до конца месяца рамазана (6 ноября) принять закон и навести порядок в других делах, то честь и хвала им, в противном случае мы официально призываем их подать в отставку и уведомить нас через газету «Неда-йе ватан» о том, что на сорок дней эта работа передается нам, женщинам, ...и мы покончим с гнетом и деспотизмом» [Afari, 1992, p. 19–20]. Данное обращение стимулировало депутатов активизировать свою деятельность и в тот же день, 3 октября 1907 г., приступить к составлению «Дополнения» к Основному закону, которое было принято и утверждено шахом уже спустя

пять дней. Данный государственный акт оказался довольно демократическим, потому что в нем постулировалось, что «жители Ирана пользуются равными правами перед законом государства» (статья 8) и «вся государственная власть исходит от народа» (статья 26) [*Новая история Ирана*, 1988, с. 170], что в плане запрета избирательного права для женщин явно противоречило Положению о выборах в меджлис 1906 г. и Положению о двухстепенных выборах 1909 г. То же Дополнение к Основному закону раскрыло и другие возможности для расширения женской политической активности, потому как в статьях 20 и 21 декларировалась свобода печати и собраний [*Новая история Ирана*, 1988, с. 170].

В политическом плане участницы женских организаций, в частности, «Энджумен-е мохаддарат-е ватан», наиболее активно проявили себя в подготовке и проведении женских демонстраций против двух российских ультиматумов от 5 и 16 ноября 1911 г., суть которых сводилась к требованию выслать из Ирана американского финансового советника Моргана Шустера и требованию впредь приглашать иностранцев на государственные должности только с разрешения России и Великобритании, а также к компенсации расходов отправленного в Иран русского экспедиционного корпуса. В начале декабря, когда в одном только Тегеране на демонстрации протеста вышли 50 тыс. иранцев, «Энджумен-е мохаддарат-е ватан» дважды организовал многотысячную женскую демонстрацию напротив здания парламента, участницы которой вновь надели белые саваны, но уже с надписью «Смерть или независимость». В ходе данного мероприятия иранки с трибуны заявляли о своем несогласии с вмешательством России во внутренние дела других государств, бойкоте российских и английских товаров [Hejazi, 2009, p. 324–325], а также требовали защитить конституционный режим и социальную справедливость под угрозой начала священной войны с захватчиками [Seraj, 2013, p. 63]. В те же дни произошло и еще более резонансное событие, описанное в воспоминаниях Моргана Шустера, когда триста вооруженных активисток стали пикетировать парламент, а некоторые добились личной встречи с председателем и, продемонстрировав принесенное с собой под чадрой огнестрельное оружие, угрожали умертвить свои семьи и себя, если депутаты согласятся на российские требования [Sedghi, 2007, p. 45]. Не добившись решения властей отклонить ультиматум России, участницы энджумена развернули широкую кампанию по закрытию магазинов, где продавался российский сахар, и прекращению пользования конно-железной дорогой, столичная сеть которой находилась под управлением русской администрации. Наиболее бескомпромиссные иранки даже выходили со своими детьми на рельсы, мешая проезду вагонов. Руководство «Энджумен-е мохаддарат-е ватан» пошло еще дальше и вступило в переписку с посольством России в Тегеране. Дипломаты, однако, отмахнулись от разгневанных патриотов, обращая внимание на их не вполне легальный статус. «Мы не довольны своим статусом, — отвечали иранские феминистки, — мы жертвы хаоса и беззакония. Мы надеемся, что наше положение будет закреплено принятием закона о равноправии, потому что человеческое достоинство гарантируется распространением закона и ничем больше» [Seraj, 2013, p. 64].

Большой шаг вперед в гендерной политике совершила образованная в 1917 г. Социалистическая партия Ирана, впервые на политическом олимпе провозгласившая равенство мужчин и женщин. Внимание женскому вопросу уделялось и в образованной с помощью «русских товарищей» Гилянской ССР в 1920–1921 гг., когда радикальные коммунистические агитаторы из числа членов партии «Адалят» в рамках своей антирелигиозной политики пошли еще дальше и в первый раз в истории исламского Ирана потребовали от женщин перестать носить чадру [Атабаки, Раванди-Фадаи, 2020]. Конечно, можно считать открытым вопрос, являлся ли данный призыв на том историческом этапе расширением или ущемлением прав иранских женщин, тем не менее лидер дженгелийцев Мирза Кучек-хан

не был столь радикальным в этом вопросе, а глава Кавказского бюро ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе даже потребовал прекратить подобную агитацию [Алиев, 2004, с. 121]. Образованная в 1920 г. в Энзели на базе социал-демократической партии «Адалат» Иранская коммунистическая партия (ИПК) также поставила на повестку дня вопрос о борьбе за права иранских женщин. Под эгидой ИКП с 1921 г. начали создаваться женские общества в Энзели, Тегеране, Реште, Казвине и других городах. Одно из первых таких обществ «Пейк-е саадат-е несван» («Вестник женского счастья») образовалось в Реште через год после I съезда ИКП в Энзели. Помимо коммунистической пропаганды, общество занималось обучением взрослых женщин грамотности и народным промыслам, а также изданием журнала с одноименным названием. Возможно, популярность коммунистических идей среди иранских женщин объяснялась тем, что особый отклик у них нашли тезисы марксизма о материнстве как важнейшей социальной функции женщины и обязанности общества создавать условия для сочетания профессионального труда с материнством.

Поскольку ИПК входила в Коминтерн, большевистское правительство пыталось влиять на развитие женского вопроса в Иране и воспитывать соответствующие кадры. Немалое количество иранок по линии ИПК получило образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, где обучение было бесплатным, велось на национальных языках, а сами студенты находились на полном обеспечении принимающей стороны. ЦК ИКП пытался реализовать весьма прогрессивные требования по улучшению положения женщин: введение 8-часового рабочего дня, установление равной оплаты с мужчинами за равный труд, членство в профсоюзах, обеспечение детей бесплатным обучением и их питанием в школе, отмену чадры, предоставление избирательных прав, запрет выдачи замуж малолетних, многоженства и наложничества, открытый доступ в общественные места, право на учебу [Атабаки, Раванди-Фадаи, 2020, с. 151–152]. Однако реализовать заявленные требования иранским коммунистам так и не удалось по причине отсутствия реальных рычагов влияния на политику в стране, а также, вероятно, неверия членов ИКП в возможность реального прорыва в положении иранских женщин, которые и сами были не готовы к столь радикальным переменам в их жизни.

РАСЦВЕТ ЖЕНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Вдохновение идеями конституционализма и политизация общественной жизни естественным образом стимулировало издание печатных средств массовой информации. С 1900 по 1906 гг. в Иране было учреждено более 90 разных печатных органов [Mirzai, 2017, p. 170]. Прогрессивная иранская печать внутри страны и за ее пределами, в частности, стамбульская газета «Ахтар», лондонская «Канун», тегеранские «Мосават», «Сур-е Эрафил», «Иран-е Ноу», регулярно доказывала необходимость женского образования. Абсолютным новшеством стало появление иранской феминистской журналистики и женских газет.

I парламент в последний год своей работы отверг петицию части активисток о создании женских энджуменов, которые консервативные члены меджлиса заклеили как еретические. Вместе с тем незадолго до роспуска был принят новый закон «О печати», поспособствовавший резкому увеличению в стране издания газет и журналов. Женская журналистика сосредоточилась в целой плеяде периодических изданий, хотя, в отличие от других газет и журналов, они не продавались на улицах городов, а были доступны только по подписке.

Начало женской журналистике положила вполне безобидная в глазах патриархального иранского общества газета «Данеш» («Знание»), которую в 1910 г. стала издавать единственная на тот момент в стране женщина-окулист Эффат Саях-Сепанлу не без помощи своего мужа-издателя. Статьи были посвящены здравоохранению, особенно женскому и

детскому, при этом редакция подчеркивала свою приверженность моральным принципам и отстраненность от политических вопросов. На практике авторы статей часто сравнивали медицинские условия в Иране с ситуацией в европейских странах, давали рекомендации по улучшению ситуации в семье, развивали идеи женского образования и даже призывали мужчин разделять с женщинами домашние обязанности [Shafii, 2021, p. 259–260].

В 1913–1919 гг. в Тегеране выходила женская газета «Шокуфе» («Цветение») редактора и издателя Марьям Омид, в которой читательницы не только постигали основы домоводства и воспитания, но и могли прочесть художественные произведения, а также критические статьи по поводу ранних браков, необходимости женского образования и негативных последствий вмешательства иностранных держав во внутренние дела Ирана с призывом к женщинам объединяться для борьбы за национальные интересы. Со страниц газеты иранки узнавали о жизни европейских женщин и о феминистском движении в других странах. Одновременно с этим некоторым авторам газетных статей был присущ некоторый идеализм и даже примитивизм, поскольку они считали, что одно лишь наличие образования у женщин станет залогом исчезновения в стране воровства, предательства, нищеты и всех прочих бед [Beheshri-Seresht, Parvish, 2015, p. 338]. Газета «Шокуфе» стала первым иранским периодическим изданием, которое на своей последней странице размещало карикатуры. Со временем издание расширило свою деятельность, основав одноименную культурно-образовательную организацию, которая занималась популяризацией национальных иранских ремесел и промышленности. Организация также проводила занятия по обучению национальным видам искусства и разным наукам. Примечательно, что на подобные виды деятельности в иранском обществе существовал сильный запрос. Об этом свидетельствует тот факт, что через месяц после создания организации «Шокуфе» в нее зарегистрировались 5 тыс. женщин [Sedghi, 2007, p. 55].

Основу женской журналистики в Исфахане заложила правозащитница Садиге Доулят-Абади, в 1918 г. учредившая газету, а потом журнал «Забан-е занан» («На языке женщин»), выходивший в 1919–1921 гг. уже в Тегеране. Издание публиковало материалы о необходимости реализации прав женщин на образование, экономическую независимость и равнозначное положение в семье, а также выступало за отмену хиджаба и предоставление женщинам избирательного права (видимо, в свете получения избирательного права в России при Временном правительстве в 1917 г., хотя такое право уже имели американки некоторых штатов США с 1869 г. и гражданки целого ряда стран мира, начиная с 1893 г. в Новой Зеландии). Журнал тиражом 2000 экземпляров выходил еженедельно. Летом 1919 г. статья, размещенная в одном из номеров журнала, даже серьезно повлияла на политическую ситуацию в городе: на тот момент часть сторонников правительства, требуя от Ахмад-шаха подписать колониальный, по сути, англо-иранский договор, село в бест в почтовом отделении Исфахана, однако после прочтения критической статьи по поводу этого соглашения в «Забан-е занан» бастующие отказались от своей идеи и разошлись по домам [Sanati, 1992, p. 66]. В итоге издательница подвергалась нападению, а газета была закрыта. По признанию самой Доулят-Абади, ни в Исфахане, ни в Тегеране ее издание не приносило большого дохода и было инициировано только для того, чтобы убедить общественность давать образование своим дочерям, ведь, как горько замечает просветительница, «девочек в 9 лет не отправляли учиться в школу, а выдавали замуж» [Dowlat-Abadi, 1998, p. 320].

Четвертая по счету газета «Наме-йе банован» («Послание женщин») редактора Шахназ Азад выходила в столице в 1920–1921 гг. Ее авторы призывали предоставить женщинам избирательное право, ввести в практику общение между женихом и невестой, чтобы решение молодых о браке было твердым и осознанным, расширять женское образование и здравоохранение, отказываться от пагубных традиционных практик, например, прекратить

давать младенцам опиум для быстрого засыпания. Помимо этого, читателей знакомили с внутренней и международной новостной повесткой и биографией известных ученых женщин. В конце каждого номера содержались отрывки романов нравственного содержания, а также словарь арабских терминов с их переводом на чистый персидский и английский языки под редакцией супруга главного редактора Абуль-Гасема Морагеи. Первый номер вышел под девизом «Женщины – первые учителя мужчин», а на первой странице красовалась еще более смелая надпись: «Эта газета печатается для пробуждения и освобождения несчастных угнетаемых женщин Ирана» [Beheshri-Seresht, Parvish, 2015, p. 330–331]. Продолжая критику хиджаба, авторы статей называли его «черным саваном». В своем самом первом выпуске Шахназ Азад писала: «Найдется ли хотя бы один здравомыслящий человек, который бы считал, что мусульмане не похоронены заживо? ... Это касается хиджаба суеверий и цепей ретроградности» [Beheshri-Seresht, Parvish, 2015, p. 335]. Хотя последнюю фразу можно было трактовать как метафору, она стала основанием для моментального закрытия газеты. Возобновить работу издания удалось только после официального опровержения редактора, однако в скором времени последовали и другие хлесткие выпады. «Для пропитания женщинам позволены только два ремесла, ставшими вполне официальными, – пишет Шахназ Азад в одном из последних номеров газеты, – первое – это нищенство, второе – торговля собственной честью. Кроме этих двух, у иранских женщин нет другого ремесла, чтобы себя прокормить» [Beheshri-Seresht, Parvish, 2015, p. 337]. При всей прогрессивности «Наме-йе банован» некоторые ее статьи предлагали весьма эксцентричное решение социальных проблем. Так, авторы издания предлагали искоренить проституцию путем обеспечения женщин рабочими местами на специально созданных государственных заводах [Beheshri-Seresht, Parvish, 2015, p. 337]. Всего за период с 1910 до начала 1920-х гг. женщины издавали не менее 13 газет [Sedghi, 2007, p. 54].

Первым журналом стал «Джахан-е занан» («Мир женщин»), который в 1921 г. начала издавать в Мешхеде и продолжила в Тегеране журналистка Фахр-Афаг Парса, однако она успела выпустить только пять номеров. В статьях журнала доказывалась необходимость не только женского образования, но и права женщин на труд и самостоятельные решения по поводу создания семьи или развода, а также содержалась критика детских браков и потребительского отношения к женщинам. Редакция прилагала массу усилий, чтобы внушить иранкам уверенность в собственных силах, и поэтому регулярно из номера в номер публиковала материалы об активных женщинах в истории ислама и современных активистках в странах Европы и Америки [Shafii, 2021, p. 267–268].

В 1922–1933 гг. под редакцией поэтессы Мохтарам Эскандари выходил журнал «Несван-е ватанхах-е Иран» («Патриотки Ирана»). Авторы его статей проповедовали идею об обязательности женского образования как залога прогресса Ирана, доказывали необходимость соблюдения равных семейных прав и обязанностей мужа и жены, а также обрушивались с критикой на многоженство и детские браки, отмечая негативные последствия ранних беременностей [Shafii, 2021, p. 270–272]. Аналогичного рода женские газеты и журналы издавались также в Энзели и Реште, Мешхеде и Ширазе.

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Опираясь на имеющийся опыт создания и функционирования женских школ, в годы революции этот тренд подхватили народные энджумены, в том числе и женские, которые с новыми силами сначала в Тебризе, а потом и в других городах приступили к созданию собственных образовательных учреждений. Новые женские школы принципиально отличались от мактабов тем, что там изучали европейские языки (французский или английский),

историю Ирана, юриспруденцию и географию, хотя чисто прикладные занятия, например, по кулинарии и домоводству, также сохранялись. Важно, что в качестве учительниц работали выпускницы иностранных школ [Faqihi-Moqaddas, 2018, p. 398]. Революционное законодательство лишь зафиксировало данную тенденцию. Так, 18 и 19 статьи Дополнения Основного закона от 7 октября 1907 г. закрепили свободное изучение всех наук, ремесел и искусств, если они не противоречат законам ислама, легализовали создание государственных и частных школ, а также вводили обязательное обучение при надзоре Министерства народного просвещения [*Конституция Ирана*, 1906].

Первая иранская частная школа для девочек была открыта в Тегеране еще в 1907 г. Ею стала школа «Душизеган» («Барышни»), которую возглавила публицистка Биби Астарабади. Несмотря на исключительно женский педагогический состав и обучение девочек кулинарии и народным промыслам, учреждение школы вызвало резкие нападки со стороны реакционного духовенства, которые обвинили руководство в бабизме (религиозно-политическое движение, считающееся еретическим со стороны ортодоксальных шиитов). В 1907 г. при поддержке своего мужа Туба Азмуде, сама получившая домашнее образование, создала в столице сеть школ «Намус» («Достоинство»). Шесть филиалов школы включали начальную и среднюю ступени для девочек, а также вечерние школы для взрослых женщин.

Подвижки в развитии женского образования происходили и на государственном уровне. В 1910 г. по закону II парламента контроль над всеми образованными школами был поручен Министерству просвещения. На тот момент только в Тегеране количество частных женских школ превысило полсотни [Sedghi, 2007, p. 54]. В том же году меджлис принял закон о выделении части от прямых налоговых поступлений на нужды образования, в результате чего было создано 46 государственных школ, 10 из которых были женскими, однако все они были начальными, а обучение девочек в средней государственной школе не предусматривалось [Delrish, 1996, p. 132]. Год спустя правительство ввело обязательное для всех начальное шестиклассное образование, что также способствовало повышению образовательного уровня женщин.

В 1910 г. Сафие Язди основала школу «Эффатие» («Благочестие») благодаря содействию своего мужа Мохаммад-Хоссейна Язди, сторонника женского образования, который не только был депутатом, но и состоял в комиссии по контролю над законопроектами. Благодаря такой протекции школа «Эффатие» не подвергалась нападкам клерикалов. Махрох Гоухаршенас в 1911 г. открыла сначала начальную, а потом среднюю школу «Тарагги» («Прогресс»). Ее отличительной особенностью стало то, что в начальном отделении допускалось совместное обучение девочек и мальчиков [Seraj, 2013, p. 81]. На волне подъема женского образования в 1911 г. смогла организовать собственную женскую школу «Тарбият» («Воспитание») и бегайтская община Тегерана [Seraj, 2013, p. 82].

В последующие годы количество начальных школ для девочек, включая льготные и бесплатные, продолжало увеличиваться, достигнув в 1913 г. 63 в одном только Тегеране, где обучались 2500 школьниц, что составляло одну седьмую часть от всех учащихся [Purhasan-Darzi, 2020, p. 95], однако государственные женские учебные заведения появились только после 1918 г. [Seraj, 2013, p. 76–77]. В 1916 г. Министерство просвещения открыло первые женское и мужское педагогические училища для подготовки кадров начальных школ, Дара-оль-Моалемат и Дара-оль-Моалемин соответственно, для чего было введено постановление об отчислении одного процента от зарплаты госслужащих и доходов земельных собственников в министерский бюджет. В Дара-оль-Моалемат имелись бесплатные места, однако занимавшие их выпускницы обязаны были по окончании обучения отработать в

государственных начальных школах столько же лет, сколько лет они отучились сами [Tarabi-Farsani, 2008, p. 95].

Среднее образование вплоть до конца каджарского периода девушки могли получить только в двух школах: американской «Иран-Бетель» и французской «Жанна д'Арк» [Tarabi-Farsani, 2008, p. 95]. Всего к концу каджарского периода во всей стране функционировали 108 национальных школ, включая 59 столичных, а также 5 иностранных. Анализ этих 59 школ для девочек позволяет выделить 5 основных образовательных направлений женского просвещения, а именно: религиозное (23 школы), гендерное с опорой на семейные обязанности (15 школ), педагогическое (10 школ), современное (5 школ) и патриотическое (6 школ) [Shafii, 2021, p. 282–283].

Хотя, по сообщению газеты «Наме-йе банован» от 11 октября 1920 г., в Тегеране около 5000 девочек обучались в новых школах [Beheshti-Seresht, Parvish, 2015, p. 338], количество женских школ было явно недостаточным, потому что к 1925 г. грамоте были обучены только 3 % иранских женщин [Seraj, 2013, p. 38], в то время как сам факт распространения женского образования еще не полностью одобрялся всеми, особенно традиционными слоями общества.

Со сферой образования была тесно связана и проблема женского здравоохранения. Открывшаяся в 1918 г. в Тегеране первая государственная женская больница с родильным отделением была также поликлиникой и местом учебной практики для Медицинской женской школы, поскольку нехватка персонала ощущалась крайне остро. К концу правления Каджаров на всю страну имелось только 283 дипломированных врача, большая часть из которых были сотрудниками посольств, миссионерами и представителями торговых компаний [Shafii, 2021, p. 143]. К 1921 г. в Медицинской женской школе учились 13 девушек из самых состоятельных семей. После трехгодичного курса обучения они получали диплом фельдшеров, специализировавшихся на женских заболеваниях и ведении родов. Сама больница была небольшой и располагала всего лишь 20 койками, но за год в ней принимали почти 600 родов, более 100 пациенток проходили стационарное лечение и еще около 1340 лечились амбулаторно. Разумеется, при численности населения столицы в 250 тыс. человек [Shafii, 2021, p. 149] такие мизерные масштабы оказания медицинской помощи женщинам не могли изменить ситуацию в лучшую сторону.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активность женщин в революционный период 1905–1911 гг. не могла не сказаться на сравнительном улучшении их положения в иранском обществе. Несмотря на отклонение законодательных инициатив о создании женских энджуменов и предоставления избирательных прав, женские организации фактически не только существовали, но весьма активно действовали. Именно в годы Конституционной революции начался расцвет женской журналистики и женского образования, который принес свои плоды уже в более поздний исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев С.М. *История Ирана. XX век*. Москва: ИВ РАН, Крафт+, 2004. [Aliev S.M. *History of Iran. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2004 (in Russian)].

Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. *Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период*. Москва: ИВ РАН, 2020 [Atabaki T., Ravandi-Fadai L.

Victims of Their Faith: The Lives and Fates of Iranian Political Activists and Migrant Laborers in the Interwar Period. Moscow: IOS RAS, 2020 (in Russian)].

Конституция Ирана, 1906. <https://worldconstitutions.ru/?p=738> (accessed: 26.11.2023).

Новая история Ирана. Хрестоматия. Москва: Наука, 1988 [*Modern History of Iran. An Anthology*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Afari J. Taamol-i dar tafakkor-e ejtemāyi-siyāsi-ye zanān dar enqelāb-e mašrute. *Nime-ye digar*. 1992. No. 17. Pp. 7–28 (in Persian).

Beheshti-Seresht M., Parvish M. Barresi-ye motālebāt-e ejtemāyi va farhangi-ye zanān dar matbuāt-e asr-e qājār. *Zan dar farhang va honar*. 2015. No. 3. Pp. 327–341 (in Persian).

Delrish B. *Zan dar dowre-ye Qājār*. Tehran: Sure, 1996 (in Persian).

Dowlat-Abadi S. *Nāme-hā, nevešte-hā, va yād-hā*. Vol. 2. Chicago: Midland Printers, 1998 (in Persian).

Faqihi-Moqaddas N. (ed.). *Šaxsiyat-hā va āsār-e elmi-ye bānovān-e šīye dar olum-e eslāmi*. Qom: Imam Ali Ibn Abi Taleb, 2018 (in Persian).

Hejazi B. *Tārix-e xānum-hā*. Tehran: Qaside-sarā, 2009 (in Persian).

Mirzai B. *A History of Slavery and Emancipation in Iran, 1800–1929*. Austin: University of Texas Press, 2017.

Musai H., Kamali S. Barresi-ye naqs-e zanān-e mobārez dar tahavvolāt-e siyāsi-ye asr-e qājār. *Tārix-e Irān-e eslāmi*. 2018. No. 2. Pp. 87–101 (in Persian).

Purhasan-Darzi F. Jariyān-šenāsi-ye farhangi-ye zanān-e fāreq-ot-tahsil az madāres-e doxtarāne-ye qarbi dar irān-e dōw-rān-e qājār va pahlavi-ye avval moasser dar kašf-e hejāb. *Pežuheš dar āmuzeš-e tārix*. 2020. No. 2. Pp. 83–111 (in Persian).

Sanati M. Sadiqe Dowlat-Abadi: zendegināme. *Nime-ye digar*. 1992. No. 17. Pp. 64–76 (in Persian).

Sedghi H. *Women and Politics in Iran*. New York: Cambridge University Press, 2007.

Seraj L. *Upsetting the Idea of Centuries. The Origins of the Women's Movement in Iran, 1850–1925*. Medford: Fletcher School, 2013.

Shafii M.S. (ed.). *Tārix-e ejtemāyi-ye zanān dar asr-e Qājār*. Tehran: Sales, 2021 (in Persian).

Tarabi-Farsani S. Ravand-e āmizeš-e zanān az āqāz-e nowgerāyi tā pāyān-e asr-e Rezā šāh. *Dānešnāme*. 2008. No. 3. Pp. 89–101 (in Persian).

Zulfaqari F. *Barresi-ye seyr-e tahavvol-e ejtemāyi va eqtesādi-ye zanān dar dowre-ye Qārāriye qabl va bad az enqelāb-e mašrute*. Tehran: Dibādōxt, 2019 (in Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТАРАСОВА Светлана Александровна –
соискатель Института востоковедения РАН,
Москва, Россия.

Svetlana A. TARASOVA – degree candidate,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia.